

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-471-496>
<https://elibrary.ru/TKGCZW>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Г.И. Чулков и Комиссия по изучению Достоевского в ГАХН

© 2025, О.А. Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье осмысливается малоизвестный этап в истории науки о Ф.М. Достоевском — деятельность Комиссии по изучению Достоевского в Государственной академии художественных наук (ГАХН) под руководством Г.И. Чулкова в 1924–1930 гг., дается характеристика Чулкова как писателя-символиста в 1900–1910-х гг. и филолога-литературоведа в 1920-х гг., соединившего в себе две эпохи освоения наследия Достоевского: религиозно-философскую, выяснявшую мировоззрение писателя, и научно-филологическую, занимавшуюся его поэтикой, текстологией и эдипией. Чулков — как, по слову Ф.М. Достоевского, «художник в науке» (с глубинным пониманием творческой психологии, артистизмом и изяществом стиля) — создавал в рамках ГАХН другое достоевскоеведение по сравнению и с официальным марксистско-социологическим подходом, и с авторитетной в 1920-е гг. формальной школой, привлекая к нему многочисленных последователей. Методологической основой другого достоевскоеведения стала общая для всей ГАХН органическая поэтика как стремление к целостному анализу произведения, рожденного душой автора. После ликвидации ГАХН в 1930–1931 гг. идеал «художника в науке» и органическая поэтика на десятилетия ушли из советского достоевскоеведения. В статье, на основании архивных документов, перечисляются виды деятельности Комиссии, анализируются протоколы ее заседаний, упоминаются прочитанные доклады и написанные статьи. В приложении впервые публикуется речь Чулкова «Достоевский и Пушкин», приуроченная ко дню рождения писателя в 1924 г.

Ключевые слова: Г.И. Чулков, Ф.М. Достоевский, достоевскоеведение, 1920-е гг., ГАХН, «органическая поэтика», «художник в науке», архивные материалы, речь «Достоевский и Пушкин».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Для цитирования: *Богданова О.А.* Г.И. Чулков и Комиссия по изучению Достоевского в ГАХН // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 471–496. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-471-496>

Г.И. Чулков (1879–1939) — крупный писатель-символист, автор более десятка книг художественной прозы и поэзии, получивших значительный резонанс, влиятельный литературный и театральный критик, во многом определявший политику ведущих журналов и альманахов первых двух десятилетий XX в., — «Нового пути», «Вопросов жизни», «Факелов», «Золотого руна», «Народоправства» и др. С годами он все больше внимания уделял историко-литературным исследованиям, преимущественно обращаясь к А.С. Пушкину, Ф.И. Тютчеву, Ф.М. Достоевскому.

Тема «Чулков и Достоевский» стала разрабатываться только с конца 1990-х гг.: анализировался вклад «последнего символиста» [5, с. 149] в литературно-критическую и художественную рецепцию Достоевского в Серебряном веке, а также в биографику великого писателя в 1930-е гг. (см. также: [7; 8; 1; 3; 2]). Однако из поля исследовательского внимания практически выпали 1920-е гг. — время интенсивных занятий Чулкова личностью и творчеством своего «властителя дум», в первую очередь в рамках работы в Российской, а с 1925 г. — в Государственной академии художественных наук (РАХН и ГАХН). В самом деле, Чулков поступил на работу в РАХН 1 февраля 1922 г., а 1 февраля 1930 г. был «отчислен от занимаемой должности действительного члена ГАХН по сокращению штатов»¹. С весны 1924 г. он был председателем Комиссии по изучению Достоевского в Литературной секции ГАХН, организовывал ее работу, произносил речи, читал доклады, публиковал статьи, вел многочисленные заседания с выступлениями ведущих ученых, составлял и редактировал достоевсковедческие издания (например, этапный для науки о писателе сборник «Достоевский» 1928 г. со знаменитыми работами С.Н. Дурылина, П.С. Попова, Ф.Ф. Бережкова и др.). В 1929 г. он разработал план Юбилейного собрания сочинений Достоевского в 27 т. в связи с 50-летием со дня смерти писателя в феврале 1931 г.² Однако ликвидация ГАХН в 1930–1931 гг. привела

¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 775. Л. 4.

² См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 99. Л. 6–11.

Чулкова к вынужденному отказу от этого замысла и переходу к работе над юбилейным однотомником великого писателя под редакцией А.В. Луначарского, вышедшим в 1931 г. Это было уже не научное, а массовое издание, по-марксистски идеологизированное, рассчитанное на широкий круг советских читателей, только приобщавшихся к культуре. Чулков вошел в его редколлегию, в этом издании ему принадлежат одна из трех вступительных статей — краткое изложение фактов биографии Достоевского — и комментарий к большинству его произведений.

В личном деле Чулкова в ГАХН, заполненном в 1926–1929 гг., помимо общих биографических сведений, имеются документы, важные для понимания его роли руководителя гахновского достоевсковедения: признание в том, что он «никогда ни к какой политической партии не принадлежал», а после Октябрьской революции «никаким репрессиям не подвергался»³; «научной историко-литературной работой» занимался только «последние девять лет» (т. е. примерно с 1917 г.)⁴; являлся «штатным сотрудником» РАХН–ГАХН, имевшим удостоверение, находившимся «на государственном снабжении» и получавшим регулярную заработную плату⁵, а летом уходившим в положенный отпуск⁶. Представляет интерес «Характеристика Г.И. Чулкова», составленная 11 февраля 1929 г. для Цекубу⁷ Н.К. Гудием, председателем подсекции русской литературы Литературной секции ГАХН:

Г.И. Чулков принадлежит к числу плодовитейших и разностороннейших русских писателей. Им напечатано 29 книг; многие работы его, подготовленные в рукописях, дожидаются печати. Будучи одновременно поэтом, беллетристом, драматургом, литературным критиком и исследователем-историком, Г.И. Чулков во всех этих областях оставил очень заметный след. Первые же его книги стихов «Кремнистый путь» и «Весною на Север» были встречены в большинстве случаев одобрительными отзывами критики. После почти десятилетнего перерыва Чулков снова вернулся к лирике и в 1922 г. опубликовал сборник «Стихотворения», который является значительным достижением на путях поэзии. Одновременно с этим опубликована была поэма «Мария Гамильтон». Последний период

³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 10–11.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ Центральная комиссия по улучшению быта ученых (1921–1931).

в творчестве Чулкова характеризуется решительным отказом от всякого импрессионизма и настойчивым исканием пушкинской ясности и «прекрасной соразмерности». Стихи Чулкова неоднократно переводились на иностранные языки.

Тот же путь от импрессионизма к реализму, от лирической аморфности к стройной композиционной структуре совершил Чулков и в плане повествовательном, оставаясь, однако символистом. Д.Н. Овсяннико-Куликовский в своей обстоятельной статье, посвященной первым книгам поэта, уже заметил его основную художественную тенденцию. «Чулков, — пишет он, — прежде всего реалист в искусстве, он не выдумывает, а воспроизводит несомненные факты действительности... Превращая свои образы в символы, он этим не искажает их: символика только вносит сюда элемент обобщения и художественного истолкования... Этот крупный художник очень хорошо делает, что не соблазняется легкостью изобретения схематических образов, а создает образы вполне реальные: его герои и героини — в большинстве — взяты из жизни со всею бытовою обстановкою, и их психология воспроизведена так, что мы имеем право сказать: да, это живые люди»...

Известны также драматические опыты Чулкова, из коих некоторые ставились на сценах московских и ленинградских театров. В своих критических статьях о русских и западных писателях, собранных в трех книгах, Чулков также чужд того импрессионизма, какой является обычно уделом эстетической критики. Будучи и здесь по своему мирозерцанию последовательным символистом с широкими культурно-философскими перспективами, Чулков в то же время чужд всякой отвлеченности и того, что можно определить термином «абстрактный идеализм» — в том его понимании, какое усвоено ему кантианством и вообще немецкой метафизикой. Точнее всего критическую позицию Чулкова можно определить как позицию «реалистического символиста». В качестве критика Чулков сотрудничал почти во всех главных наиболее значительных и авторитетных журналах, но больше всего — символистских органах — «Перевал», «Золотое руно», «Новый путь», «Вопросы жизни». В организации и ведении двух последних журналов Чулкову принадлежала очень существенная роль. К этому времени относится сближение Чулкова с Вяч. Ивановым. В 1906 г. оба писателя совместно опубликовали книгу об анархизме, вызвавшую шумную полемику, перебросившуюся даже на страницы иностранных журналов. Не ограничиваясь печатным общением со своей читательской аудиторией, Чулков прочитал несколько десятков публичных

лекций и докладов в разных городах России. В последнее десятилетие Чулков, не оставляя своей поэтической работы, сосредоточился на историко-литературных трудах. Он особенно много работает по изучению Тютчева и Достоевского. В отношении первого Чулков, как исследователю, биографу и текстологу, принадлежит теперь бесспорно первое место. В результате большой архивной работы Чулков подготовил несколько лет назад полное критическое собрание сочинений Тютчева, которое, к сожалению, все еще дожидается своего опубликования. Как легко, однако, видеть из перечня работ Г.И. Чулкова, он успел все же опубликовать по Тютчеву немало очень ценного текстологического материала и дать ряд новых разысканий в области биографии и творчества гениального поэта. Без тщательного ознакомления с трудами Чулкова по Тютчеву невозможна дальнейшая работа по изучению этого писателя.

Ряд историко-литературных статей написано Г.И. Чулковым и о Достоевском. Плодотворная работа по Достоевскому ведется также в возглавляемой Г.И. Чулковым комиссии по изучению Достоевского при Литературной секции ГАХН.

В заключение необходимо указать на весьма содержательные мемуарные работы Чулкова. Обращают на себя внимание также две его книги, представляющие собой опыты психологических характеристик исторических фигур прошлого: «Мятежники 1825 года» и «Императоры». Обе книги, написанные с присущим Чулкову стилистическим дарованием, дают серию очень удачно нарисованных, выразительных и хорошо продуманных портретов. Вторая книга в текущем году появилась в Париже на французском языке в изд. Пэйо.

За свой тридцатилетний литературный путь Чулков успел создать много ценного и полезного как для самой художественной литературы, так и для исторического и критического ее осмысления⁸.

Как видим, здесь прежде всего сказано о Чулкове-писателе, причем положительно оценена его принадлежность к «реалистическому символизму» и творческая близость к Вяч.И. Иванову, к тому времени уже почти пять лет жившему за границей, что несколько выбивается из нашего представления об атмосфере в СССР конца 1920-х гг. По-видимому, ГАХН действительно оставалась в это время оазисом творческой свободы. Также подчеркнуто органическое единство в личности Чулкова писателя, критика и литературоведа,

⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 28–29.

отмечена его «плодотворная работа» в Комиссии по изучению Достоевского. В самом деле, совмещение в одном лице непредсказуемого, вдохновенного литератора и трезвого, рационального ученого не могло не повлиять на литературоведческие исследования Чулкова, придавая им глубинное понимание психологии творчества, артистизм и стилистическое изящество. Вспомним, что идеал «художника в науке» был выдвинут самим Достоевским еще в 1840-е гг.⁹ С ним перекликалась концепция ГАХН, что отразилось даже в ее названии, включавшем словосочетание «художественные науки». Да и роль Чулкова в становлении и развитии достоевсковедения на первоначальном этапе не просто велика, но во многом уникальна — ведь он соединил в себе два принципиально различных периода в освоении наследия Достоевского: религиозно-философский, в том числе символистский, в 1890–1910-е гг. (В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, А.Л. Волынский, С.Н. Булгаков, Вяч.И. Иванов, Н.А. Бердяев и др.) и научно-филологический с конца 1910-х — в 1920-е гг. (Л.П. Гроссман, А.С. Долинин, В.Л. Комарович, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Энгельгардт, В.С. Нечаева, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин и др.). По наблюдению К.В. Мочульского, именно в 1920-е гг. произошло новое «открытие» Достоевского: «первое» было сделано символистами, которые увидели в нем «великого религиозного мыслителя» и «философа», «второе» — научным литературоведческим сообществом, показавшим его как «художника» [9, с. 220].

Чулков внес вклад в оба «открытия». Будучи с 1900-х гг. в центре символистского движения, отдав дань религиозно-философскому постижению Достоевского в 1900–1910-е гг.¹⁰, в 1920-х он воспринял веяния новой эпохи, уделив значительное внимание поэтике, текстологии и эдиции любимого писателя, но не оставив при этом работы со смыслами его текстов. Именно такой синтетичности отвечала новая органическая поэтика, видевшая в художественном произведении «живой организм»¹¹ и принятая в ГАХН, в том числе — в гахновском изводе достоевсковедения, возглавляемого Чулковым. Но об этом чуть ниже.

В 1920-е гг. исследователи Достоевского действовали в СССР в нескольких взаимосвязанных центрах: Ленинградском университе-

⁹ Имеется в виду Ордынов, герой повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» (1847).

¹⁰ См.: *Кремнев Б. [Чулков Г.И.]. Достоевский и судьба России // Огни: литературный альманах. М.: [Семенцов], 1918. С. 133–148; Чулков Г.И. Достоевский и революция // Чулков Г.И. О мистическом анархизме / со вступ. ст. Вяч. Иванова «О неприятии мира». СПб.: Факелы, 1906. С. 32–44; Чулков Г.И. О Достоевском // Чулков Г.И. Сочинения. СПб.: Шиповник, 1912. Т. 5: Статьи 1905–1911 гг. С. 145–155.*

¹¹ См.: *Сакулин П.Н. К вопросу о построении поэтики // Искусство. 1923. Кн. 1. С. 79–93.*

те, Государственном институте истории искусств (ГИИИ), Пушкинском Доме, самообразовательных кружках Хельфернак, «Братство преп. Серафима Саровского», «Воскресения», а также в ГАХН. Как видим, в основном эти научно-творческие центры располагались в Петрограде-Ленинграде, и только ГАХН в 1920-е гг. — в Москве, где к ней примыкали, помимо ставшего москвичом с 1917 г. Чулкова, Л.П. Гроссман, В.С. Нечаева и др. Именно ГАХН стала инициатором создания в 1928 г. первого Литературно-мемориального музея Достоевского в Московской Мариинской больнице, где прошли детство и ранняя юность великого писателя и куда, после ликвидации ГАХН в 1930 г., переместился московский центр изучения Достоевского.

Учрежденная под марксистской шапкой с преобладанием социологического метода исследований (А.В. Луначарский, П.С. Коган, В.М. Фриче), в реальности ГАХН собрала цвет научной, художественной и литературной мысли, который постоянно выбивался из строгих рамок по адаптации культурного наследия прошлого и произведений настоящего к организационно-идеологическим задачам советского государства. В итоге создавалось то, что Н.А. Богомолов назвал «другим литературоведением» [4, с. 461]. При этом ГАХН также противостояла формалистским течениям Ленинграда, прежде всего в ГИИИ, тяготея к так называемой органической поэтике: «научная продукция ГАХН при взгляде из сегодняшнего дня являет целый спектр подчас методологически враждебных течений, взятых не только в единстве момента, но и в схожих установках на целостность и органический анализ — в противовес “механическому” — у петроградских формалистов» [6, с. 121].

В самом деле, «литературоведением занимались в академии в рамках трех ведущих центров»: на Философском отделении, в Литературной комиссии на Социологическом отделении и в собственно Литературной секции с несколькими подсекциями (см.: [6, с. 106]). Центральной, «промежуточной» фигурой гахновского литературоведения можно назвать П.Н. Сакулина, который «пытался одновременно оставаться в пределах имманентной поэтики и всецело учитывать принцип социологического монизма», другими словами — «адаптировать социологический метод и марксизм к академическому “мейнстриму”» [6, с. 114]. Специфику литературы, по Сакулину, выражал «не функциональный эстетический подход, как у формалистов (когда один и тот же факт мог получать признаки литературности или терять их в последующей эволюции), но принцип органической и целостной данности» [6, с. 115]: «Художественное произведение — организм», оно вытекает из «души»

художника и имеет телеологическое «задание»¹². Эта «установка на *органическое* понимание искусства оказывается близка большинству специалистов ГАХН» [6, с. 116], «для самых разных течений внутри Академии художественных наук (от Сакулина до Горнунга) характерным оказывается поиск органической поэтики: понятие образа, а не “приема”, установка на анализ целостного художественного предмета, а не функциональной “сделанной вещи”. <...> Вокруг этой интуиции целостности и складывалась в 1920-е годы в рамках Академии неустойчивая область взаимодействия марксистов, идеалистов-платоников (вроде Лосева), гуссерлианцев круга Шпета, маститых литературоведов старшего поколения (вроде Сакулина и Пиксанова), фольклористов и социолингвистов (братья Соколовы, Розалия Шор)» [6, с. 118].

Отметим, что тенденции к «целостности» придерживался и Чулков, а с ним — большая часть гахновского достоевсковедения, участники которого, повторим, стремились также к идеалу «художников в науке», впоследствии утраченному в советском литературоведении. Характерно в этой связи название одного из последних докладов Чулкова в ГАХН, прочитанного 29 марта 1928 г., — «Критическое и органическое в художественной диалектике Достоевского»¹³.

Когда в 1921 г. при социологическом отделении ГАХН возникла Литературная секция с несколькими подсекциями, среди которых с 27 мая 1922 г. действовала и Комиссия по изучению Ф.М. Достоевского, то последнюю первоначально возглавил В.Ф. Переверзев. Неудивительно, что при ее реформировании в декабре 1923 г. и переходу под председательство Г.И. Чулкова (подробнее см.: [11, с. 91]) в ней, в поле притяжения «органической поэтики», сохранялся и социологический вектор.

Итак, Чулков приступил к заведованию Комиссией по изучению Достоевского в 1924 г. и осуществлял его до закрытия ГАХН в 1930 г. Его торжественные речи, произнесенные в ГАХН в честь дня рождения Достоевского, помечены числами, близкими к этой дате, начиная с 12 ноября 1924 г.: «Достоевский и Пушкин» (1924), «Достоевский и современность» (1925), «Достоевский и Запад» (1926)¹⁴. Также им прочитаны доклады: «Достоевский и Тургенев как культурные типы» (1924), «Достоевский и Белинский» (1926), «Критическое и органическое в художественной диалектике Достоевского» (1928)

¹² См.: Сакулин П.Н. К вопросу о построении поэтики // Искусство. 1923. Кн. 1. С. 92–93.

¹³ См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 34.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1).

и др.¹⁵ В 1926–1927 гг. Чулковым подготовлены к печати статьи: «Достоевский и Тургенев», «Некрасов и Достоевский»¹⁶, «Достоевский и революция», «Достоевский и утопический социализм»¹⁷, «Последнее слово Достоевского о Белинском» (из них были опубликованы только две последние¹⁸). Также велись протоколы многочисленных заседаний Комиссии в 1924–1929 гг. Остановимся на них подробнее.

По сохранившимся спискам и протоколам заседаний можно установить личности докладчиков и названия докладов. В качестве примера приведем научные сезоны 1924/1925 и 1925/1926 гг. Так, с октября 1924 по октябрь 1925 г. прошли 11 заседаний, на которых выступили с докладами: М.А. Дынник («“Хозяйка” Достоевского и Гоголь»), П.С. Попов («Я и Оно в творчестве Достоевского»), Н.К. Пиксанов («Достоевский о Добролюбове»), В.С. Нечаева («Молодой Достоевский и Бальзак»), Л.П. Гроссман («Достоевский в работе над Бакуниным»), С.Н. Дурылин («К вопросу о литературных источниках романа “Братья Карамазовы”»), И.И. Гливенко («Раскольников в творческой истории “Преступления и наказания”»), А. Глаголев («Журналы Достоевского “Время” и “Эпоха”»), В.Л. Комарович («Заимствованный сюжет в “Братьях Карамазовых”»). На каждом заседании проходили прения по прочитанным докладам, иногда прениям отдавалось все время целиком. Одно из заседаний было посвящено дню рождения писателя — прозвучали вступительное слово П.Н. Сакулина, речь Г.И. Чулкова «Достоевский и Пушкин» и чтение произведений Достоевского артистами МХАТ В.И. Качаловым, В.В. Лужским, И.М. Москвиным¹⁹.

С октября 1925 г. по октябрь 1926 г. Комиссия под руководством Чулкова провела 13 заседаний, на которых выступили с докладами: Ф.Ф. Бережков («Основные линии современного изучения и оценки Достоевского на Западе»), В.С. Нечаева («О посещении Дарового»), В.Г. Сахновский («Достоевский и театр»), Б.Ю. Айхенвальд («Своеволие у Достоевского»), С.Н. Дурылин («К. Леонтьев и Лесков о Достоевском»), В.П. Скворцов («Художник живой жизни»), Ф.Ф. Бережков («Неизданное письмо Достоевского»), И.И. Гливенко («Рукописи “Преступления и наказания”»), Г.Н. Поспелов («Анализ стиля перевода “Евгений Гранде”»), В.С. Нечаева («Введение в анализ стиля

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 34.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 185.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 173. Одноименная статья.

¹⁸ Чулков Г.И. Достоевский и утопический социализм // Каторга и ссылка. 1929. № 2 (51). С. 11–35; № 3 (52). С. 134–151; Чулков Г.И. Последнее слово Достоевского о Белинском // Достоевский: сб. ст. / под ред. Г.И. Чулкова. М.: ГАХН, 1928. С. 61–81.

¹⁹ См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 27.

молодого Достоевского (перевод “Евгении Гранде”)), А.Л. Цейтлин («Массовые сцены у Достоевского»), Г.И. Чулков («Последнее слово Достоевского о Белинском»), С.Н. Дурылин («Об одном символе у Достоевского»), И. Эйгес («Достоевский и Тютчев»), В.Н. Ланина («Опыт привлечения некоторых модификаций психического к характеристике героев “Братьев Карамазовых”»), Н.Ф. Бельчиков («Достоевский и Тургенев»), Г.И. Чулков («Об организации музея при больнице имени Достоевского»). На одном из заседаний 16 ноября 1926 г. был вечер памяти Достоевского. В программе: вступительное слово Чулкова, речь В.Г. Сахновского и чтение произведений Достоевского артистами МХАТ²⁰.

Более полное представление о характере заседаний Комиссии можно получить по двум опубликованным протоколам № 9 и № 10 за 1925–1926 гг.²¹ Обычно в них даются развернутые тезисы докладов и приводятся подробные прения по ним присутствовавших лиц. Состав последних можно установить как по протоколам, так и по явочным листам. Вот далеко не полный перечень: помимо самого Чулкова, — П.П. Перцов, В.В. Вересаев, К.С. Станиславский, А.Ф. Лосев, Ю.Н. Верховский, И.А. Новиков, Г.О. Винокур, Я.О. Зунделович, Г.А. Рачинский, А.К. Горский-Горностаев, Н.К. Пиксанов, Ф.Ф. Бережков, С.Н. Дурылин, В.С. Нечаева, Л.П. Гроссман и десятки других.

Таким образом, в 1924–1930 гг. в ГАХН развивалось то, что, перефразируя Н.А. Богомолова, можно назвать «другим достоевсковедением» по сравнению с окончательно возобладавшим с начала 1930-х гг. марксистско-социологическим подходом к великому писателю, а также с авторитетной в 1920-е гг. «формальной школой». Его представители, становясь «художниками в науке», стремились к «органической поэтике».

В Приложении к статье впервые публикуется по авторизованной машинописи одна из торжественных речей Г.И. Чулкова в честь дня рождения Достоевского. Имеется автограф, написанный в старой орфографии черными чернилами с многочисленными авторскими правками, и три идентичных экземпляра машинописи с одинаковой авторской правкой от руки черными чернилами. В публикацию внесены дополнения из автографа, также по автографу исправлены опечатки и неразборчивые места. Повторы убраны, орфография

²⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 42.

²¹ Материалы заседаний Комиссии по изучению Ф.М. Достоевского в ГАХН (подготовила Н.А. Дровалева). URL: <https://servekdost.imli.ru/files/attachment/2214.pdf> (дата обращения: 26.07.2025).

и пунктуация даны по современным нормам. Подчеркивания и зачеркивания в тексте статьи принадлежат Г.И. Чулкову. Однако в ряде случаев сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации, передающие своеобразие эпохи (итти, коей, варьянты, исповедаемые и проч.). Слово «бог» в машинописи написано со строчной буквы, хотя известно, что именно в 1920-е гг. Чулков стал глубоко верующим православным христианином [10].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Чулков Г.И. **Достоевский и Пушкин**²²

Речь 12 ноября 1924 г. на торжественном заседании
Академии Художественных Наук

В своем слове, посвященном памяти Пушкина, Достоевский сказал, между прочим: «Не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью»...

Эта мысль, впрочем, высказывалась и другими, например Аполлоном Григорьевым. В самом деле, художник, ежели он хотел итти прямым путем, большаком русской поэзии, не мог пройти мимо Пушкина. Иного пути ему не было. Из этого источника надлежало черпать живую воду, потому что без этой целительной влаги сердце поэта изнемогало в тщетной борьбе с маревами нашей истории и нашего быта.

И сам Достоевский, как художник, утолял свою жажду из того же источника. Его отношение к Пушкину надо рассматривать в двух планах. Первый план — это круг некоторых общих им тем, идей, а иногда и даже поэтических приемов. Второй план — это духовные пути поэтов. Эти пути, такие противоположные, как будто, скрестились на единый миг.

На этом перекрестке надо поставить веху. А ежели позволительно сравнить русскую жизнь с морем, то и встречу Пушкина с Достоевским надлежит ознаменовать эмблемой маяка, ибо этим светом мы пользуемся, как мореплаватели, когда ищем свободного пути среди опасных скал.

²² РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 46–57.

Итак, рассмотрим оба эти плана. Зависимость Достоевского, как художника, от поэзии Пушкина, на первый взгляд, может показаться столь отдаленной, что правомерен даже вопрос: надо ли вообще ставить и обсуждать эту тему?

Влияние на Достоевского таких художников, как Гофман, Гоголь, Бальзак, Диккенс, Виктор Гюго, представляется таким очевидным, что приходится рассуждать лишь о степени этого влияния. Иное дело Пушкин. Легко указать на некоторые приемы повествования, развития интриги, или на типы, скажем, Диккенса, отметив сходство этих приемов и этих типов с таковыми же у Достоевского. И такой сравнительный анализ будет, конечно, плодотворен в пределах формальной науки. Но Пушкин? Его изумительный кларизм; его язык точный, как кристалл; его композиционная стройность; его божественная легкость; его безоблачная солнечность: что общего между ним и Достоевским, в романах которого владычествует загадочный сумрак, — где герой говорит таким же взволнованным языком, как автор, — где не всегда можно найти ключ к композиционному плану, — где ночные люди изнемогают под тяжким бременем грехов и страстей.

Различие этих художественных натур слишком очевидно, и если мы все-таки решаемся искать каких-то общих тем и мотивов в их творчестве, то по причине особой важности.

У других писателей Достоевский учился внешним приемам искусства, у Пушкина учился он внутреннему постижению той или иной поэтической темы. Вот почему так трудно взять на учет, если позволительно так выразиться, конгениальность Пушкина и Достоевского.

«Предвестия тем Достоевского в поэзии Пушкина» — это предмет академического исследования, это обширная программа для ученого доклада.

Сегодня у меня иное задание: Я не буду утомлять вашего внимания формальным анализом сюжетных и прочих параллелизмов. Я только позволю себе кратко напомнить некоторые мотивы Пушкинской поэзии, которые нашли в Достоевском нового истолкователя.

Такие мотивы были, несмотря на то, что общий тон Пушкинской живописи совсем не похож на рембрандтовские краски Достоевского.

Рассматривая второй план отношений этих великанов нашей художественной литературы, я вернусь еще раз к той теме, а пока не стану предрешать выводов из наших наблюдений.

Итак — вот факты. Исследователи указывали на них. Вглядимся пристально в героя «Пиковой Дамы». Разве этот безумец

и мечтатель, загипнотизированный одной идеей, и, как сомнамбула, против своей воли влекущийся к убийственному поединку с судьбою, — разве этот пасынок петербургского ампира в иных личинах не возник чудотворно в романах Достоевского? Конечно, здесь речь идет не о простом повторении типа, даже не о новой его метаморфозе, а лишь о каком-то воспоминании, однако настолько властном, что оно заставляет сердце биться чаще, как это бывает при встрече с человеком, которого считал погибшим, мертвецом, — и вдруг видишь живым. В Пушкинском Германне есть уже предчувствие Раскольникова, с его навязчивой идеей. И старуха-графиня, которой открыл тайну трех карт Сен-Жермен, так же определяет судьбу Германна, как старуха-процентщица судьбу Раскольникова. А разве игра Германна с Чекалинским не напоминает игры подростка в одном из петербургских игорных домов или знаменитых сцен из повести «Игрок»? Но не это важно. Разительно сходство той петербургской атмосферы, в которой живет Германн, с тем туманом, которым дышат Раскольников и прочие петербургские герои Достоевского.

В повести «Гробовщик» действие происходит в Москве, но персонажи этой гофманиады очень напоминают «маски» Достоевского, которые появляются у него где-нибудь на Гороховой, в петербургской распивочной, где в хмельном монологе какого-нибудь фантастического чиновника или ремесленника можно расслышать тончайшую диалектику самого Достоевского.

А «Египетские ночи» — повесть, в замысле коей у Пушкина было явное намерение перенести тему древнего мира в нашу современность? «Карамазовщина» Достоевского не есть ли развитие той же пушкинской темы? Духовные потомки воспетой Пушкиным египетской царицы — герои Достоевского, «в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца»...

Наконец галерея богоборцев Достоевского — все эти Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Ставрогины — все их вопросы, требования и сомнения — все это предвосхитил Пушкин в своем трагическом театре. Так, трагедия творчества и таланта — «Моцарт и Сальери» — начинается словами богоборца:

Все говорят: нет правды на земле,
Но правды нет и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.

В «Скупом» и в «Каменном госте» все та же тема, все тот же спор с богом. В чем пафос «Скупого»?

Это пафос бунта, пафос самоопределяющегося человека, стремящегося стать сверхчеловеком без бога, без его благодатной свободы. Это все та же гордая личность, извечное «Я», мечтающее себя поставить во главу угла.

Пушкинский рыцарь не потому — скупой, что он жаждет богатства, как скряга, а потому что в нем есть духовная скупость: ему, рыцарю с головы до ног, готовому всегда старый меч «рукой дрожащей обнажить», неместно быть рабом золота. Он не меценат, не буржуа. Золото ему нужно как средство, как орудие. А цель — власть, гордыня власти, его уединенное «Я».

Что не подвластно мне? Как некий демон
Отселе править миром я могу...

На что ему золото? Пушкинский «Скупой» едва ли вовсе не бескорыстен. Прислушайтесь к его признаниям:

Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен:
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознания...

«Подросток» Достоевского рассуждает совершенно так же, как пушкинский «Скупой»: «В том-то и “идея” моя, — признается он, — в том-то и сила ее, что деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество».

«Мне не нужно денег, или, лучше, мне не деньги нужны, даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом, и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы!»

Вся пятая глава первой части «Подростка» посвящена этой теме, и Достоевский даже влагает в уста своего героя Пушкинские слова:

...с меня довольно
Сего сознания...

И Подросток, и Скупой рыцарь — в сущности, бескорыстны.

Так бескорыстен и Сальери. Он не ревнует к славе Моцарта. Ему важно иное. Он требует отчета у бога. Ему одному предъявляет

он свой счет, свой вексель, когда незримый должник, по мнению бунтаря, расточает дары, предназначенные ему, Сальери, за его уединенный и страшный подвиг труда.

...О, небо!
 Где ж правота, когда священный дар,
 Когда бессмертный гений — не в награду
 Любви горящей, самоотверженья,
 Трудов, усердия, молений, послан —
 А озаряет голову безумца,
 Гуляки праздного.

Так бескорыстен и Дон Гуан. Поцелуй Донны-Анны ему нужны не потому, что он, всегдашний обольститель, еще не сыт страстью, а потому, что он, Дон Жуан, соперничает с таинственной неведомой силою, которая стоит преградою между ним, дерзающим искателем неизведанной и загадочной любви, и тем, другим, мертвецом, на чьей стороне какой-то неизвестный закон, какой-то грозный запрет. И потому только звучит трагически ужасная шутка Дон Жуана:

Я, командор, прошу тебя притти
 К твоей вдове, где завтра буду я...

Но какова развязка Пушкинской трагедии? Дон Жуан погибает, ибо пред ним раскрылась могила, на тайну и право которой он посягнул.

Скупой бросает перчатку своему сыну, «безумному расточителю», ибо ему нанесли оскорбление как рыцарю. И хотя поединок не состоялся, ему, оскорбленному, жить уж не имеет смысла. Он умирает.

Погибает и Сальери — морально и внутренне. Он погибает потому, что Моцарт уносит с собою в могилу тайну гения:

...Ты заснешь
 Надолго, Моцарт... Но ужель он прав,
 И я не гений. Гений и злодейство
 Две вещи несовместные...

Итак, какой же смысл демонического опыта Скупого, Сальери и Дон Жуана — что это такое? Бесплодное и соблазнительное горение духа или это великое испытание, за коим следует духов-

ное освобождение и очищение? Владеют ли нами слепые страсти до конца, или у нас в душе есть какая-то иная правда, за которую стоит пожертвовать всем и жизнью даже, если того потребует судьба.

Ответ на этот вопрос дал Достоевский в своей Публичной речи в 1880 году, да и сам Пушкин недвусмысленно ответил на него в «Пире во время чумы», ~~«где посредственную драматическую поэму Вильсона он вознес на высоту гениального творения.»~~²³

Здесь уже целиком предугадана тема Достоевского, вечный конфликт между пирующим миром и нашей совестью. В самом деле, старец Зосима, Алеша Карамазов или загадочный князь Мышкин — каждый из них может сказать, обращаясь к хмельным безумцам словами Пушкина:

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной...

И далее:

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души...

Пушкин — великая страна. Дивное солнце сияет в этом многообразном мире. Злаки и цветы, благоухая, тянутся к слепительным лучам. И нас в Пушкине прежде всего поражает этот ликующий свет. Откуда он? Достоевский утверждал, что источник этого пушкинского света — в великой нравственной идее, в нем заключенной. Эта нравственная идея не была в Пушкине отвлеченным началом. Она была — живая реальность. Тому доказательство — образ Татьяны.

Сегодня я не буду останавливаться на этой мысли. Она достаточно развита и обоснована в Пушкинской речи Достоевского, всем известной.

²³ Восстановлено по автографу. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 29.

Но вот что примечательно: сам Достоевский как мыслитель принял безоговорочно нравственный идеал Пушкина, но как художник, он прежде всего приник не к ясным и дневным темам его поэзии, а к иным темам, ночным и темным, к его мечтаниям, думам и гаданиям, которые тайно терзали сердце поэта.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!

Вот это признание Пушкина — стало лейтмотивом всего творчества Достоевского.

Здесь уже приходится перейти к рассмотрению касаний Пушкина и Достоевского во втором плане. Здесь художество и поэзия переплелись в жизнь, надо представлять себе Пушкина и Достоевского не как великих писателей, а как необычайных людей, чья судьба связана с судьбою народа и, значит, всех нас.

Как не похожи они друг на друга, эти люди, Пушкин и Достоевский! Но как они внутренне связаны и как они друг друга дополняют!

Пушкин — апофеоз русского ампира, певец Петра Великого, завершитель Александровской культуры, свидетель мощи, правда уже призрачной, Николаевской монархии. Он был венцом и славою российской державы. Он монументален и незыблем.

Тысячелетняя история великого народа, с ее тремя культурными периодами, нашла свое достойное завершение в гении Пушкина.

Иная судьба Достоевского. Он пришел в эпоху, когда самодержавная монархия дрогнула в самом основании.

И Пушкин, и Достоевский — символичны. На свитках истории они как надписи, огненными иероглифами начертанные. Прочсть их — это значит понять смысл истории.

Представьте себе вечер у петрашевцев. Несмотря на разнообразие настроений и взглядов тогдашних социалистов, увлекавшихся Фурье, перед всеми с одинаковой остротой возникал вопрос о ближайшей преграде к осуществлению²⁴ политических и социальных чаяний — вопрос о крепостном праве. Представьте себе Федора

²⁴ Исправлено по автографу. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 33.

Михайловича Достоевского. Ему двадцать семь лет. Он читает «Деревню» Пушкина. Читает он, по свидетельству очевидцев, как-то особенно — с какой-то странной страстью, заражая слушателей своим волнением, скандируя стихи нараспев, мудро храня все особенности ритма.

Представьте себе, как должен был тогда звучать этот голос и эти Пушкинские стихи:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца;
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

И далее:

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя...

Кто-то спрашивает:

— Ну, а если бы освободить крестьян оказалось невозможным, иначе, как через восстание?

Тогда Достоевский, бледнея и стукнув кулаком по столу, крикнул: — Так хотя бы через восстание!

Величавый Пушкин, в его аполлоновском свете, с его чудотворною гармонией, тотчас исчезает, становится историей, былым величием...

А живая действительность была вот такая.

Двадцать третьего апреля 1849 года Достоевский воротился домой после одного собрания в четвертом часу ночи, лег спать и тотчас же заснул. Потом, сквозь сон, он слышал, как брякнула сабля. Он привстал.

— Что случилось?

— По повелению...

Федора Михайловича Достоевского, смущавшего товарищей своей верой во Христа, народолюбца и патриота, отвезли в крепость.

В номере «Русского инвалида» от 22 декабря 1849 года напечатано было следующее: «Пагубные учения, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отзывались, к сожалению,

нию, в некоторой степени и в нашем отечестве»... «Горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтали о возможности попрасть священнейшие права религии, закона и собственности»...

Спустя двадцать пять лет Достоевский, полемизируя с «Русским миром», снова заявил твердо о нравственном достоинстве петрашевцев. Но тогда было не до полемики. Тогда были крепость, а потом Семеновский плац. День был морозный. На эшафот взшел аудитор и прочел приговор: «приговорены к смертной казни расстрелянием»... Приговоренных привязали к столбам. Взвод солдат взял ружья на прицел.

Достоевский в эти мгновения упорно смотрел на золотой купол Семеновской церкви, где горели яркие солнечные лучи. «Ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через какие-нибудь три минуты сольется с ними». Что если бы не умереть! Что если бы воротить жизнь! Какая бесконечность!

Но вот махнули платком, ударили отбой. «Его Императорское величество дарует жизнь»...

«Зачем такое ругательство, безобразное²⁵, ненужное, напрасное?... — спрашивает один из героев романа Достоевского. — Нет, с человеком так нельзя поступать».

После такого опыта можно или сойти с ума, как это случилось с одним из приговоренных, или, напротив, духовно прозреть: это случилось с Достоевским.

Воистину он мог сказать, как пушкинский «Пророк»:

И внял я неба содроганье
И горный ангелов полет...

Достоевский принял последнее посвящение, предвосхитил смерть, «лежал в пустыне как труп», чтобы в урочный час восстать, повинаясь высшей воле, дабы глаголом жечь сердца людей.

То, что было у Пушкина подспудным — начало пророческое — в Достоевском стало явным. Свои прозрения Пушкин подчинил норме и закону. Пушкин хотел «свободной душой закон боготворить». И даже революционный «кинжал», по мысли поэта, уместен лишь там, где «дремлет лик закона», там, где «главою поник закон».

Достоевский, напротив, колеблет закон и расторгает всякие нормы, ибо он пророчествует. Пушкинская Россия была позади его, но

²⁵ Исправлено по автографу. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 36.

эта Россия оставила великое наследие. Достоевский закончил свою Пушкинскую речь словами: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот, мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Какую же тайну завещал нам Пушкин?

Достоевский думал, что поэт завещал нам правду о всечеловеке, правду о всемирности. Не в сознании Пушкина, не в идее его была эта правда о всемирности, а в самом факте его бытия, в гениальной отзывчивости его на все сердца, на зовы всех культур и всех наций.

Весь пафос Достоевского в этой вере во всемирное.

Но гений Достоевского не был отвлеченным гением. Достоевский был — по его собственному признанию — «реалистом в высшем смысле». Поэтому идея всемирности у него нашла себе выражение в правде о земле, земле живой и в существе своем святой — той земле, которую целовал Алеша после кончины старца Зосимы, рыдая, и которую клялся любить вовеки веков.

Над ним тогда необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною. «О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и не стыдился иступления сего»... «Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом»...

Таким бойцом был и сам Достоевский, рыцарем, как благороднейший и мудрейший Дон-Кихот, как князь Мышкин, кому трезвые буржуа со злорадством дали прозвище идиота.

Он имел одно виденье
Непостижное уму...

Достоевский увидел в пушкинской поэзии реальный залог всемирного братства, какого-то чудесного единения всего человечества. Но Достоевский также прекрасно понимал, что это желанное единство еще не наступило, что весь мир во вражде, расколе, противоречиях. Единство человечества предполагает в нем некую живую и единую душу, некую Психею. Но эта Психея пока лишь пленница, несчастная узница, оскорбленная и обреченная на гибель. Но она должна воскреснуть... Такова была его вера.

Достоевский, подобно демиургу, мыслил вещами. Поэтому его Психея была для него не только идеей, но воплощалась в земных личинах.

Так явилась она в странном обличии Настасьи Филипповны.

Как страшно было лицо этой Настасьи Филипповны и как пленительно вместе с тем! Эта ослепляющая красота бледного лица была невыносима. Таинственная красота! И в самом деле, красота этого лица была так ослепительна и так невыносима, что некто не выдержал и закрыл его, чтобы уже никто не видел этих страдающих глаз. Закрыть это лицо выпало на долю Рогожина. Припомните, как это было.

Рогожин ввел князя в спальню. На постели кто-то спал, «совершенно неподвижным сном». Спавший был закрыт с головой белой простыней. «В ногах сбиты были в комок какие-то кружева, и, выглядывая из-под простыни, обозначался кончик обнаженной ноги; он ужасно был неподвижен»...

«В комнате было тихо. Вдруг зажужжала проснувшаяся муха и пронеслась над кроватью. Князь и Рогожин вышли из спальни.

— Стой, слышишь? — прошептал Рогожин: — Слышишь?

— Нет! — с испугом сказал князь.

— Ходит. Слышишь?

Оба стали слушать.

— Слышу, — пробормотал князь».

Так и мы все, как этот убийца и его странный друг и соперник, прислушиваемся теперь к безмолвию ночного сумрака. Мы думаем, что за соседней стеной никого живого нет, что кто-то убил ту, чья красота была ослепительна и невыносима, и все же мы с мучительным страхом вглядываемся в тяжелую и неподвижную дверь. Мы знаем, что одно трепетное движение нашей души — и беззвучно отворится дверь и станет на пороге та, которую мы сами убили, как убил Рогожин, в гневе и в страсти.

Итак, все творчество Достоевского — один пророческий вопль о том, что человечество должно быть едино, что оно должно преодолеть все противоречия, весь мучительный ущерб свой и, наконец, страшную крестную смерть для того, чтобы воскреснуть в новом единстве. Тогда мир найдет, наконец, утраченную им Психею.

Так верил Достоевский. В этой своей вере — я должен повторить это — Достоевский был истинным Дон-Кихотом, то есть рыцарем с головы до ног. И, как настоящий рыцарь, он должен был столкнуться с мещанским миром, которому, конечно, не было никакого дела до Психеи.

Ни Пушкину, ни Достоевскому так называемое общество не могло простить их гениальности.

Вовлеченный в борьбу, Достоевский стал последовательным и непримиримым врагом буржуазного мира.

Но что он разумел под буржуазностью? Он разумел под ней самодовольное и ограниченное приятие этого мира, с его слепотою, алчностью, лицемерием, предательством, компромиссами и бездушием.

Буржуа тот, кто полагает предел человеку в корыстном владении земными материальными благами, кто ограничивает человека ближайшими и внешними целями, кто не чувствует ответственности за все и за всех, кто не видит в истории трагедии и не понимает Голгофы.

Буржуа всех типов и категорий ненавидели и боялись Достоевского. Они чувствовали и чувствуют, что он обладает какой-то наиреальнейшею правдою, таинственной и недоступною для них. А ведь люди все прощают, кроме того, что пугает их своею непонятностью. Мещане всему знают границу. Для них весь мир арифметика. А Достоевский (в письме к Майкову в 1867 году) признавался: «Везде-то и во всем я до последнего предела доходил, всю жизнь за черту переходил».

Как такого человека вместить в буржуазную арифметику!

Достоевский думал, что русскому человеку свойственна по преимуществу мечта о всемирности, о братстве народов, о единении всего человечества. Наблюдая западноевропейскую жизнь, он видел в ней начала, противоборствующие идее всемирности. И он метал молнии своего гнева, иронии и презрения против этих европейских буржуа. Достоевскому казалось, что его тема непонятна им. Однако в 1877 году он писал о буржуа: «В последнее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного»...

Достоевский пророчествовал, что буржуазное общество поплатится в недалеком будущем за свое духовное ничтожество, за свое самодовольное безбожие. Готовится возмездие.

Правопорядок сам по себе, лишенный духовного содержания — по мысли Достоевского, — не может быть прочным. Всегда может грянуть «красный бунт». А бунтари «прежде всего ищут своего дела, т. е. торжества четвертого сословия и равенства в распределении прав в пользовании благами жизни, а под какими знаменами — это уж как там придется, все равно»... (1877).

За год до своей смерти Достоевский писал: «Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь, и, если ему не отворят, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший

закон. На компромиссы, на уступки не пойдет, подпорочками не спасете здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит нечто такое, что никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедаемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, все это рухнет в один миг и бесследно»...

Такое возмездие пророчит мещанскому порядку Достоевский. Обсуждать по существу это пророчество мы сейчас не можем. Это выходит за пределы нашего сегодняшнего задания.

Впрочем, разрешите, заканчивая мое слово, напомнить вам, что значение всякого пророчества не в предсказывании внешних событий и точных сроков, а в той внутренней силе, которая опалает сердца и души и очищает их, как огонь.

Литература

1. Богданова О.А. Г.И. Чулков — биограф Ф.М. Достоевского // *Чулков Г.И. Жизнь Достоевского* / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. О.А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 4–31.

2. Богданова О.А. Петербург Достоевского в повести Г.И. Чулкова «Осенние туманы» (1916) // Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX – первой трети XX в. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 98–115.

3. Богданова О.А. Эволюция концепта «земля» в работах Г.И. Чулкова о Ф.М. Достоевском // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 317–330.

4. Богомолов Н.А. Другое литературоведение: занятия подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // Русская литература и философия: пути взаимодействия / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 461–474.

5. Грякалова Н.Ю. Тайная свобода «последнего символиста»: Георгий Чулков в 1930-е годы // Грякалова Н.Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 149–167.

6. Дмитриев А. Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией // Логос. 2010. № 2 (75). С. 105–121.

7. Михайлова М.В. «Бесы» Ф.М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г.И. Чулкова // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации / отв. ред. А.А. и Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 278–292.

8. Михайлова М.В. Г.И. Чулков и Ф.М. Достоевский // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: Раритет; Классика плюс, 1999. Вып. 12. С. 193–201.

9. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.

10. Переписка Г.И. Чулкова — Н.Г. Чулковой 1901–1938 гг. // Рампаццо К. Г.И. Чулков: проблемы научной биографии писателя с 1879 г. до Октябрьской революции (на материале неизданной семейной переписки 1901–1938 гг.): дис. ... д-ра

филологии. Падуя, 2022. С. 373–814. URL: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_rampacco_chulkov.disertaciya.pdf (дата обращения: 26.07.2025).

11. *Римонди Дж.* А.Ф. Лосев о Ф.М. Достоевском. О деятельности Лосева в литературной секции ГАХН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 89–102.

Research Article and Publication of Archival Documents

Georgy Chulkov and the Commission for the Study of Dostoevsky in the GAKhN

© 2025. Olga A. Bogdanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The article considers a little-known stage in the history of Fyodor Dostoevsky studies, particularly the activities of the special Commission at the State Academy of Art Sciences (GAKhN) under the leadership of Georgy Chulkov from 1924 to 1930. Chulkov was a symbolist writer in the 1900s and 1910s, and a philologist and literary critic in the 1920s, who combined two epochs of mastering Dostoevsky's legacy: religious-philosophical, which clarified the writer's worldview, and scientific-philological, which dealt with his poetics, textual criticism, and editorship. The article shows that Chulkov, as an “artist in science” (with a deep understanding of creative psychology, artistry, and elegance of style), created another manner of Dostoevsky studies within the framework of the GAKhN compared to both the official Marxist-sociological approach and the authoritative formal school in the 1920s, attracting numerous followers to it. Another methodological basis of Dostoevsky studies was the organic poetics common to the entire GAKhN as a desire for a holistic analysis of the work born of the author's soul. After the liquidation of the GAKhN in 1930–1931, the ideal of an “artist in science” and organic poetics had disappeared from Soviet Dostoevsky studies for decades. The article relies on archival documents. The appendix contains for the first time published Chulkov's speech “Dostoevsky and Pushkin” (1924).

Keywords: G.I. Chulkov, F.M. Dostoevsky, Dostoevsky studies, 1920s, GAKhN, “organic poetics,” “artist in science,” archival materials, speech “Dostoevsky and Pushkin.”

Information about the author: O.A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

For citation: Bogdanova Olga A. “Georgy Chulkov and the Commission for the Study of Dostoevsky in the GAKhN.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 471–496. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-471-496>

References

1. Bogdanova, O.A. "G.I. Chulkov — biograf F.M. Dostoevskogo" ["G.I. Chulkov as a Biographer of F.M. Dostoevsky"]. Chulkov, G.I. *Zhizn' Dostoevskogo* [*The Life of Dostoevsky*], ed. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 4–31. (In Russ.)
2. Bogdanova, O.A. "Peterburg Dostoevskogo v povesti G.I. Chulkova 'Osenние туманы' (1916)" ["Dostoevsky's Petersburg in G.I. Chulkov's Novel 'Autumn Mists' (1916)"]. *F.M. Dostoevskii v literaturnykh i arkhivnykh istochnikakh kontsa XIX – pervoi treti XX v.* [*F.M. Dostoevsky in Literary and Archival Sources of the Late 19th – First Third of the 20th Century*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 98–115. (In Russ.)
3. Bogdanova, O.A. "Evolutsiia kontsepta 'zemlia' v rabotakh G.I. Chulkova o F.M. Dostoevskom" ["The Evolution of the Concept of 'Earth' in G.I. Chulkov's Works About F.M. Dostoevsky"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, issue 13, 2015, pp. 317–330. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. "Drugoe literaturovedenie: zaniatiia podseksii istorii russkoi literatury GAKhN 1925–1929" ["Another Literary Studies: Classes in the Subsection of the History of Russian Literature of the GAKhN, 1925–1929"]. Takho-Godi, E.A., editor. *Russkaia literatura i filosofii: puti vzaimodeistviia* [*Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, pp. 461–474. (In Russ.)
5. Griakalova, N.Iu. "Tainaia svoboda 'poslednego simbolista': Georgii Chulkov v 1930-e gody" ["The Secret Freedom of the 'Last Symbolist': Georgy Chulkov in the 1930s"]. Griakalova, N.Iu. *Chelovek moderna: biografiia — refleksii — pis'mo* [*Man of Modernity: Biography, Reflection, Writing*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008, pp. 149–167. (In Russ.)
6. Dmitriev, A. "Literaturovedenie v GAKhN mezhdru filosofiei, poetikoi i sotsiologii" ["Literary Criticism in the GAKhN Between Philosophy, Poetics and Sociology"]. *Logos*, no. 2 (75), 2010, pp. 105–121. (In Russ.)
7. Mikhailova, M.V. "Besy' F.M. Dostoevskogo v khudozhestvennom osvoenii i teoreticheskom osmyslenii G.I. Chulkova" ["F.M. Dostoevsky's 'Demons' in the Artistic Development and Theoretical Understanding of G.I. Chulkov"]. Takho-Godi, A.A., and E.A. Takho-Godi, editors. *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebriannogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [*F.M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations*]. Moscow, Vodolei Publ., 2013, pp. 278–292. (In Russ.)
8. Mikhailova, M.V. "G.I. Chulkov i F.M. Dostoevskii" ["G.I. Chulkov and F.M. Dostoevsky"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*], issue 12. Moscow, Raritet Publ., Klassika plius Publ., 1999, pp. 193–201. (In Russ.)
9. Mochul'skii, K.V. "Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo" ["Dostoevsky. Life and Creative Work"]. Mochul'skii, K.V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [*Gogol. Solovyov. Dostoevsky*]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 219–562. (In Russ.)
10. "Perepiska G.I. Chulkova — N.G. Chulkovoi 1901–1938 gg." ["Correspondence Between G.I. Chulkov and N.G. Chulkova in 1901–1938"]. Rampatstso, K. *G.I. Chulkov: problemy nauchnoi biografii pisatel'ia s 1879 g. do Oktiabr'skoi revoliutsii (na materiale neizdannoi semeinoi perepiski 1901–1938 gg.)* [*Chulkov: Issues of the Writer's Scientific Biography from 1879 to the October Revolution (Based on Unpublished*

Family Correspondence, 1901–1938): PhD Dissertation]. Padova, 2022, pp. 373–814. Available at: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_rampacco.chulkov.disertaciya.pdf (Accessed 26 August 2025). (In Russ.)

11. Rimondi, Dzh. “A.F. Losev o F.M. Dostoevskom. O deiatel’nosti Loseva v literaturnoi seksii GAKhN” [“A.F. Losev on F.M. Dostoevsky. About Losev’s Activities in the Literary Section of the GAKhN”]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Filosofii*, vol. 25, no. 1, 2021, pp. 89–102. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025
Одобрена после рецензирования: 22.09.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 01.08.2025
Approved after reviewing: 22.09.2025
Date of publication: 25.12.2025